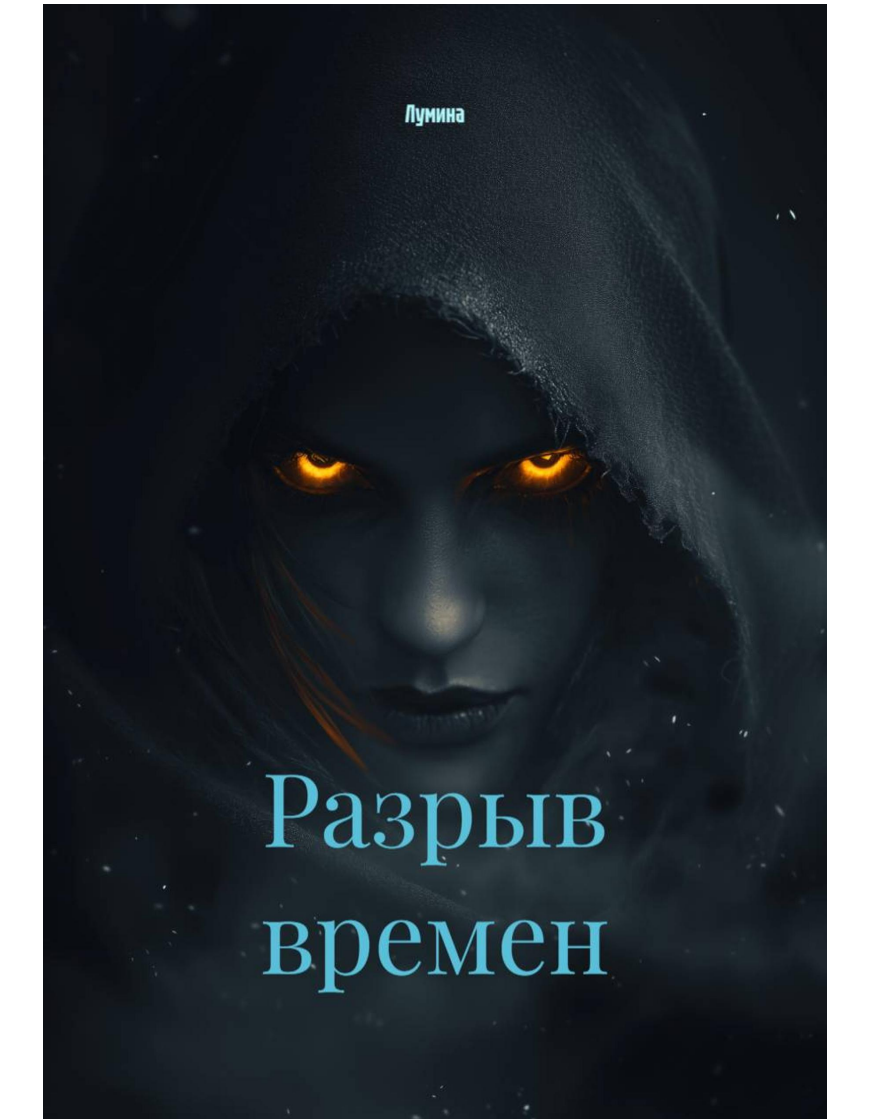

Лумина

Разрыв времен

Лумина Лумина

Разрыв времен

<https://litres.ru/74134322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Январский Город замерзает. Бреши безвременья на улицах заставляют сдавать экзамен на выживание. Лика и Роз — лучшие фехтовальщики и соперники, упрямо делящие лидерство. Но это лишь маска. Они связаны тайным заговором чувств, а после поцелуя их мучительная тяга превращается в пытку. Их выдает свидетель, когда все теряют их из вида. На соревнованиях открывается тайна имени Роза, и героев затягивает в Разрыв времени. Спасая Роза, Лика проявляет жалость к злодейке, и эта ошибка отрезает им путь назад. Они падают в чужой мир магии, где Лику признают Властной правительницей. Вчерашним подросткам приходится встать у руля государства на пороге глобальной войны. Им предстоит раскрыть заговор тех, кто уничтожает вселенные ради бессмертия. Попав случайно домой, Лика осознает, что мир пуст без Роза. Она прыгнет в последнюю расщелину в пустыне навстречу финалу, где небо расколется от крыльев дракона, а магия уступит место покою у тихой воды Земли.

Лумина

Разрыв времен

Глава 1

ПРОЛОГ

Настоящая магия никогда не приходит как в сказках. Она не спасает — она врывается в мир с глухим, костистым хрустом, разрушая города и оставляя после себя лишь ледяные осколки прежней жизни. Глупо ждать, что посреди твоей комнаты вдруг материализуется пара прекрасных волшебников и заберёт тебя в дивный новый мир. Магия — это не спасение, а катастрофа, которая сначала ломает твою привычную реальность, а затем заставляет стоять босиком на заиндевевшем мху

Вокруг раскинулась глухая лесная поляна, затерянная посреди вечного сумрака дремучего, молчаливого леса. Лица стояла на мягком, заиндевевшем мху, и подкожный, пугающий дежавю-сигнал до боли сдавливал грудь — это место было ей до дрожи знакомо. Словно она уже прожила здесь целую прошлую жизнь, бегала с друзьями из маленькой деревушки на окраине и пряталась в этих синих сумерках от надвигающейся большой войны.

На ней было простое платье. Вокруг плотной стеной стоял вековой лес, пахнущий хвоей, прелыми листьями лёгким, едва уловимым следом чужого парфюма. Он скользнул по

нервам, как старая привычка, и исчез. Лика не успела зацепиться за эту мысль — только почувствовала, что здесь что-то не так.

Лика двигалась легко и грациозно, словно само это странство вело её вперёд. Из чащи на поляну медленно вышла высокая, тёмная фигура в глубоком капюшоне.

Они замерли друг против друга в звенящей тишине без единого слова. А затем он сделал быстрый, резкий шаг вперёд, и их закрутило в непонятном, опасном танце.

Этот безумный ритм сначала был хлёстким, рваным и жёстким, один в один похожим на яростный, тактический бой фехтовальщиков, где каждое движение — это выпад и блок. Но постепенно движения становились плавными, текучими, подчиняясь какому-то внутреннему такту. Пространство вокруг поплыло, задрожало, и в этой синей лесной глубине Лика внезапно увидела себя в тяжёлом свадебном платье, расшитом золотыми нитями, подол которого с тихим, шёлковым шуршанием обволакивал заиндеветшую поляну.

И именно в этот миг пришло ошеломляющее, обжигающее осознание: этот хмурый незнакомец в капюшоне — парень, король её сердца, который ей безумно нравится.

Их закрутило в финальном, центробежном вихре, картинка дрогнула, секундно смазалась — тёмный капюшон исчез, сменившись строгим, безупречным смокингом. Стихия сблизила их тела вплотную, его лицо под чёлкой склонилось над её лицом, обжигая дыханием... И когда показалось, что

их губы вот-вот, через долю секунды соприкоснутся в поцелуе...

В полумраке комнаты с хриплым, дребезжащим треском оглушительно зазвенел заиндеветый будильник.

Лиля резко открыла глаза и села на кровати, тяжело и шумно дыша в звенящую пустоту квартиры. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах всё ещё стоял этот ритм, оборванный на самом пике.

Глава 1. Провидение и взгляд

Со злостью пнув надрывающийся будильник, Лика чуток перестаралась. Несчастный пластиковый ящик со свистом пролетел через всю спальню и с сухим треском врезался в противоположную стену. На ковёр со звоном посыпались осколки разбитого стекла.

— В который раз я обламываюсь на самом интересном месте! Издевательство какое-то — недовольно пробурчала она себе под нос, неохотно выползая из-под тёплого плена одеяла.

Ступни мгновенно обожгло ледяным воздухом — жестокий холод аномально, упрямо пробирался сквозь оконные щели скованной квартиры. Настроение было бесповоротно испорчено от прерванного сна. Сегодня был первый день после зимних каникул. Тот самый день, когда им всем снова нужно было выйти на учёбу и тренировки.

На самом деле Лика уже давно знала того единственного, из-за кого её сердце раз за разом срывалось в безумный галоп. Ей казалось — вернее, отчаянно, до дрожи хотелось верить, — что и он чувствует то же самое. Что она смогла зацепить его с самого первого взгляда, а Роз просто до паники боится в этом признаться. Но из-за того, что между ними вечно висела эта мучительная, выматывающая недосказанность, сегодня Лика жестоко сомневалась, была ли её вера

правдой. Его глухое молчание в школьном коридоре перед самыми каникулами било под дых сильнее любых открытых отказов.

Ей так хотелось приключений и какого-то чуда на этих каникулах, но праздники пролетели, а чудо упорно обходило её стороной. Оставалось лишь учить уроки, мерить шагами холодные комнаты из угла в угол и тоскливо думать о не вечности бытия. Её голова была занята мыслями о том, как избежать сотен мелких неприятностей на своём пути. Но бытовые катастрофы продолжали происходить, а большого приключения не предвиделось.

Щелкнул выключатель ванной. Обычное утро старшеклассницы. Лика включила ледяную воду, набрала полную горсть и плеснула в лицо, смывая остатки теплого сна. Из зеркала на неё смотрело вытянутое, бледное лицо, усыпанное точками веснушек. Она была высокой для своего возраста, и её тело, несмотря на общую худобу, уже наливалось плотными, жесткими мышцами. Тяжелые, каштановые, теплые, почти рыжие волосы не расчесанной волной свисали до самой поясицы, отливая глубоким, **отливая скрытым пламенем**. Выходить наружу не хотелось до физической боли. Лика сначала выстроила перед собой баррикаду из зимних вещей, а затем укуталась так, словно отправлялась на Северный полюс: забралась в почти безразмерную, длинную зимнюю куртку, замоталась шарфом до самого носа, натянула шапку и теплые сапоги. Бросив взгляд в зеркало

прихожей, она насмешливо фыркнула — её вид был похож больше на бесформенную снежную бабу, а не на Снегурочку. Улица встретила её леденящим морозом и оглушительной пустотой. Город казался вымершим, ни одного прохожего. Лика шла по заснеженному тротуару, и внутри неё плясали странные, колючие мысли. Снег повалил густыми, тяжёлыми хлопьями. От бесконечной монотонной белизны начало рябить в глазах, и хруст собственных сапог стал казаться невыносимым. На секунду ей показалось, что она абсолютно запуталась и потерялась в этом промерзшем зимнем царстве. Она шла, не замечая дороги, и только когда под ногами вместо снега хрустнул школьный порог, поняла, что уже у цели. В голове щёлкнуло, как переключатель, и туман рассеялся. Сквозь редеющие хлопья проступили очертания знакомых окон. Это был дом Роза Матова. Она не раз становилась невольной свидетельницей того, как он выходит и входит в этот подъезд. И вдруг из детства всплыла картина, как она упрямо просила маму подойти к этому дому поближе — он уже тогда казался ей особенным, предрекая эту нелепую, тайную влюбленность.

Лика даже подозревать не могла, что в это утро Роз Матов точно так же, как и она сидел на краю своей кровати, упрямо пряча голубые глаза под тёмной чёлкой. Он судорожно сжимал пальцы, всё ещё чувствуя, как его сердце дрогнуло и совершило сумасшедший кульбит в ту секунду, когда Лика, проходя мимо по школьному коридору перед началом кани-

кул, робко бросила ему: «Привет».

Роз мысленно проклинал себя за то, что снова струсил, оцепенел и просто промолчал в ответ. До дрожи в руках он нервничал от одной только мысли о том, как вести себя сегодня, когда они впервые после долгого перерыва вновь встретятся на тренировке в секции.

Они оба не знали и не могли знать, что точка невозврата уже наступила и лишь подсознательно, до боли в груди хотели, чтобы этот затянувшийся штиль наконец прервался хоть каким-нибудь штормом. Роз изо всех сил строил вокруг себя глухой ледяной панцирь, даже не догадываясь, что часовой механизм в ту самую секунду, когда **Лика робко сказала ему «Привет» в коридоре** их общей судьбы уже запущен, точка невозврата уже наступила **Роз сжал кулаки и пообещал себе: «Сегодня я скажу хоть слово. Хоть чтонибудь».** Часовой механизм их общей судьбы уже **был запущен.**

Поколебавшись секунду на крыльце, Лика толкнула тяжёлую дверь и зашла в школу, шумно отряхивая ноги от налипшего снега. Здание встретило её поразительной, гулкой тишиной промёрзших коридоров.

— Ну надо же, ещё одна пришла! — удивлённо раздался из темноты голос вахтёра. — Сегодня же мороз лютый, уроки отменили.

Лика растерялась, почувствовав себя невероятно неловко. Ей быстро объяснили, что из-за аномального холода занятия

отменили для всех трёх параллелей. Ребят до школы добралось совсем мало — буквально единицы, гонимые родительским долгом или собственным упрямством. Уроков не будет, но всех «выживших» временно объединили в один класс на первом этаже ради общего собрания.

Лика подошла к нужному кабинету, взялась за ручку двери, и её сердце предательски пропустило удар.

В полупустом классе стоял он. На фоне остальных парней Роз Матов выглядел поразительно: худой, высокий, его резкие скулы будто тянулись вслед за быстрым ростом, очерчивая впалые щёки. Ровный узкий нос, чёткие тонкие губы — в полумраке класса его образ казался Лике недостижимо идеальным. Она замерла в проходе, не в силах отвести омут своих карих глаз, и это оцепенение могло бы длиться вечно. Но в этот момент Роз медленно повернул голову. Его прозрачно-голубые глаза, похожие на чистый январский лёд, тонко и остро поймали её взгляд. Лика оказалась под его полным, парализующим обозрением.

Тишину внезапным взрывом перебила с размаху хлопнувшая за спиной дверь и звучные, уверенные шаги. В класс стремительно вошла сама директриса — Лика Васильевна.

— Садитесь, дети, — сухо скомандовала она, проходя к доске.

Лика без особых раздумий спасительно упала на стул за ближайшей партой, поспешно пряча пылающие щёки в складках тёплого шарфа. Облегчение омыло тело, но на са-

мом дне зашевелилось горькое чувство поломанных надежд — их хрупкий момент близости снова грубо оборвали. Роз не сел ближе. Он остался стоять там, позади неё, вызывая и жгучее желание обернуться, и колкую панику в груди, и отчаянную потребность спрятаться. Приходилось сидеть неподвижно, уставившись перед собой, и терпеть эти смутные, душные чувства.

Директриса оперлась ладонями о преподавательский стол. Её голос, обычно сухой и строгий, сейчас звучал непривычно взволнованно:

— Я собрала вас здесь, потому что на окраине города произошёл внезапный разлом земли. Невидимые расщелины безвременья подобрались к нашему миру слишком тихо. Ни один самый лучший учёный не может перебраться на другую сторону — люди просто пропадают во времени, будто пространство вокруг них растворяется, оставляя прозрачные, но смертельные границы. Лишь избранные, владеющие скрытой силой, могут свободно проходить сквозь эти трещины на ту сторону.

Она сделала тяжёлую паузу, обводя взглядом притихших подростков.

— То, что сегодня ударил этот леденящий мороз и большинство ребят остались дома — это провидение. Оно остановило их от возможного провала в пропасть прямо перед воротами нашей школы.

Директриса со щелчком раскрыла объёмную чёрную пап-

ку:

Директриса сделала тяжёлую, зловещую паузу, давая ученикам осознать услышанное. По классу прошёл робкий, испуганный шёпот. Лица Васильевна опустила глаза к бумагам, и её лицо словно постарело на несколько лет. Она глубоко вздохнула и заговорила тише, переводя дыхание:

— Нам только что стало известно, что сегодня ночью в разных точках города произошло то, что наука пока не способна объяснить. Внезапно, ровно в четыре часа утра, все приборы на сейсмических и метеорологических станциях буквально взбесились. Сначала сейсмографы зафиксировали мощный подземный толчок, но датчики показывали не сдвиг тектонических плит, а дикие колебания гравитации. Следом за этим по всему району прокатился мощнейший электромагнитный импульс. В домах вспыхивала и гасла проводка, а сотовые вышки на несколько минут полностью ослепли. Такие расщелины безвременья спонтанно открываются тут и там, они возникают новые, совершенно внезапно.

Она перевернула страницу, на которой были закреплены распечатки графиков с ломаными, сумасшедшими пиками активности. На них лежала свежая, наспех распечатанная карта города, где красными маркерами были обведены уже обнаруженные военными опасные зоны.

— Экстренная исследовательская группа со специальной аппаратурой быстро выехала в эпицентр одного из первых

сигналов, чтобы выделить имеющиеся разломы на карте. И им стало ясно — бесповоротно и страшно: наш привычный мир изменился. Всё случилось на глазах у водителя служебного уазика, который остался на безопасном расстоянии. Машина экспедиции вместе с тремя учёными и всеми приборами просто... исчезла. Прямо в воздухе. Будто её стёрли ластиком.

Ли́ка почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки. Она незаметно сжала пальцы под партой, боясь обернуться и посмотреть на Роза.

— Спустя сорок минут из этой пустоты вернулись не все. Двое исследователей буквально выпали обратно на заснеженный асфальт. На них не было живого места, а в глазах застыл такой ужас, словно они только что пережили что-то неопишимо грязное, мучительное и неприятное. Они кричали и дезориентированно цеплялись за воздух. Оставшиеся в живых исследователи, придя в себя, сообщили об аномальных разломах — зонах, внутри которых реальность и время движутся совершенно по иным, изломанным законам. Там секунда может длиться вечность, а пространственные границы невидимы, но смертельны для каждого, кто сделает неверный шаг. Одна из таких смертоносных невидимых расщелин сегодня на рассвете открылась прямо перед воротами нашей школы.

Ли́ка Васильевна подняла голову и посмотрела прямо на притихших детей.

— Выживших учёных немедленно доставили в закрытую лабораторию и проверили на медицинской аппаратуре. Сканеры зафиксировали у них аномальные изменения в организме — пугающе повышенный биоэлектрический показатель и критический всплеск волновой активности мозга, который в обычных условиях просто выжег бы нервную систему. Чтобы исключить ошибку, биологи провели экстренный эксперимент на лабораторных мышах, запустив их в безопасную зону у самого края разлома. У всех спасшихся грызунов датчики зафиксировали точно такой же, идентичный всплеск энергии. Их организмы мутировали, подстраиваясь под чужеродную среду.

Она закрыла папку с глухим, хлёстким стуком, который эхом разнёсся по замершему классу.

— Те, кто сегодня дошёл до школы сквозь этот леденящий холод, однозначно и вероятнее всего обладают точно таким же редким Даром, как и выжившие учёные. Ваша кровь и ваш мозг несут в себе эту частоту. Вы резонируете с разломом, и мороз буквально спас жизни ваших одноклассников, оставив их дома. Но для точной проверки в школу уже доставлена специальная военная аппаратура. Сейчас каждый из вас будет по очереди садиться под считыватель биоэлектрических волн, чтобы мы окончательно подтвердили показатели вашего Дара.

Директриса сделала знак рукой, и дверь класса снова открылась. Два человека в строгой форме начали заносить в

кабинет странное, громоздкое оборудование со светящимися датчиками и металлическим шлемом-считывателем.

Ли́ка сидела не шевелясь, пряча лицо в шарф, но кожа на её запястьях горела фантомным, пугающим огнём, словно её собственный Дар уже просыпался, реагируя на приборы. А за её спиной, у самого окна, Роз Матов медленно сжал кулаки, чувствуя, как его лунный холод упрямо и зло рвётся наружу сквозь каменный панцирь. Ему предстояло сесть под этот прибор следом за ней.

Когда подошла её очередь, и Ли́ку вызвали к преподавательскому столу, ноги стали ватными. Ей было ужасно, до тошноты страшно. Сидя на жёстком стуле под громоздким металлическим шчитывателем, она нервничала так сильно, что едва не ерзала, словно на иголках. Больше всего на свете Ли́ка сейчас боялась, что эта бездушная военная аппаратура не просто замерит волновые показатели мозга, а умудрится прочесть её бешено, неровно бьющееся сердце. Боялась, что прибор выдаст на экраны, к кому именно оно так отчаянно бьётся прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.